

М. Л. Гусельникова

ТОПОНИМЫ-ПОЛУКАЛЬКИ В СООТНОШЕНИИ С СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИЕЙ РУССКОГО СЕВЕРА

Изучение севернорусских топонимов-полукалек (названий типа *Бриннаволок*, *Кенозеро*, *Лампожня*, *Пышручей* и т.д.) оказывается неотделимым от сопоставления с различными субстратными типами и, как следствие, основывается на результатах анализа субстратной топонимии Русского Севера, достигнутых в работах А.К. Матвеева¹.

Выяснение соотношения севернорусских полукалек и регулярных моделей субстратных топонимов этой территории предопределили результаты картографирования: совпадение границ их распространения, а также корреляция внутри общего региона.

Самые показательные примеры – заполнение названиями на *-немь* (и варианты) лакун в ареалах топонимов на *-наволок*, *-мыс*, *-пожня*, а также заполнение названиями на *-бой*, *-оя* (и варианты) лакун в ареалах топонимов на *-ручей*. Таким образом, полукальки и топонимы с субстратным термином того же значения оказываются равноправными названиями, функционирующими параллельно на разных территориях Русского Севера. В связи с этим некоторые субстратные термины, не функционирующие в современной апеллятивной лексике, должны были быть известны еще в условиях двуязычия и обрусения – в период появления полукалек. Прежде всего это относится к терминам *немь* и *бой* (*оя*). Показатель этого процесса – наличие словообразовательных топонимических гнезд (далее – СТГ), где эти термины употребляются наравне с русскими в составе полукалек: д. *Юра-гора* – пож. *Юрьнема* – пож. *Юропальда* (Арх, Он); руч. *Хопручей* – оз. *Хопозеро* – бол. *Хопомох* – пож. *Хопомина* (Арх, Он); бол. Тороболото – оз. *Торозеро* – руч. *Торой* (Арх, Мез); оз. *Караозеро* – д. *Карацелье* – руч. *Карой* (Арх, Леш) и т.д.

Состав терминов в СТГ различен на разных территориях Русского Севера: в каждом конкретном ареале происходил свой «отбор» русских и нерусских терминов в качестве детерминантов. Вероятно, распространение конкретной модели в рамках ареала могло быть обусловлено установленным на основе данных соседних двуязычных территорий «модельным характером» прибалтийско-финско-саамской топонимии, подразумевающим систематическое образование названий данного типа объекта с одним и тем же географическим термином. «Набор» типов полукалек или топонимов с субстратным детерминативом оказывается каждый раз различным.

Во-первых, могут сохраняться только субстратные модели: бол. *Куземенское* – в верховье р. *Кузегга* (Арх, Холм); пож. *Некомень* – у руч. *Некопола* (Арх, Пин); пож. *Перпала* – у руч. *Перное* (Арх, Он); оз. *Пурасозеро* – в верховье р. *Пуранга* – у д. *Пурнема* (Арх, Прим).

¹ См., например: Матвеев А.К. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Севера Европейской части СССР: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970.

Во-вторых, в СТГ могут входить только полукальки: бол. *Канакишамох* – оз. *Канакишозеро* – ур. *Канакикурья* – р. *Канакиша* (Арх, Нянд); д. *Карьеполье* – оз. *Карьозеро* – о-в *Карьостров* – р. *Карья* (Арх, Мез); р. *Саррека* – руч. *Сарручей* – оз. *Сарозеро* – пож. *Сарпожня* (Арх, Он); р. *Сона* – оз. *Сонозеро* – руч. *Сонручей* – бол. *Сонболото* (Арх, Леш); пож. *Япмыс* – руч. *Япручей* – оз. *Япозеро* (Влг, Выт).

В-третьих (и это наиболее частотный вариант), полукальки и топонимы с субстратным детерминативом сосуществуют в одном словообразовательном топонимическом гнезде: бол. *Немболото* – р. *Немнюга* (Арх, Мез); р. *Овя* – оз. *Овье* – пож. *Овицелье* – курья *Овкурья* (Арх, Леш); оз. *Пыжозеро* – пож. *Пыжемень* – залив *Пыжелохта* (Влг, Бел); ур. *Укосельга* – оз. *Укозеро* – пож. *Укома* – руч. *Укручей* – бол. *Укомох* (Влг, Выт); р. *Целега* – д. *Целегора* (Арх, Мез).

Регулярно в такие СТГ входят названия на *-лахта* (*лохта*), *-сельга*, *-шалга*, имеющие в своем составе географический термин, известный в диалектной лексике: залив *Хижлахта* – у д. *Хижгора* на оз. *Хижозеро* (Арх, Карг); ур. *Камсельга* – у руч. *Камручей* на оз. *Камозеро* (Влг, Выт); ур. *Хомшалга* – у руч. *Хомручей* (Арх, Он). Такие названия могут восприниматься наравне с полукальками. В пользу их равноправного положения свидетельствует и тот факт, что ареалы топонимов с данными детерминантами не перекрывают ареалов топонимов с синонимичным русским термином: названия на *-лахта* полностью коррелируют с названиями на *-курья* и *-зуба*; корреляция топонимов с детерминантами *-шалга*, *-сельга*, *-щелья*, *-гора* полностью охватывает весь регион распространения полукалек (некоторые пересечения топонимов с субстратными по происхождению терминами и названий с термином *-гора* объясняются специализацией названий по типам объектов – соответственно гор и населенных пунктов). Коррелирующие термины в составе топонимов оказываются единственными с этим значением на своей территории, они заимствовались при взаимодействии языков и, возможно, поэтому не требовали перевода, замены в условиях обрусения. Такое «наследование» терминов при переходе на русский язык может объясняться и встречным процессом – функционированием полукалек в еще не обрусевшей среде: в процессе контактов с русскими аборигенное население заимствовало те или иные русские географические термины и использовало их в топонимах с традиционной финно-угорской структурой. Данные по топонимии регионов современных контактов финно-угорских и русского языков соответствуют такому представлению о происхождении полукалек.

Показательно, что на сопредельных территориях карельско-русского, вепско-русского, коми-русского двуязычия в местных нерусских топонимах употребляется иногда больше заимствованных русских терминов, чем в севернорусских полукальках. По данным Н.Н. Мамонтовой, рассматривавшей заимствованные из русского термины в составе ливвиковских топонимов, можно обнаружить многие заимствования, которые не зафиксированы в качестве детерминативов в названиях Русского Севера: *boru* ‘бор’, *mostu* ‘мост’, *pesku* ‘песок’, *puustu* ‘пустошь’, *troppi* ‘тропа’, в том числе заимствованные диалектизмы *jami* ‘тракт (< ям)’, *kell'u* ‘избушка (< келья)’, *kuori* ‘погреб (< копь)’, *veräi* ‘ворота (< верей)’ и др.¹ В топонимии печорского диалекта коми языка зафиксированы названия *Кузь-грива*, *Натиль-кулига*, *Сергей-кõдж-прилук*, *Ыджыд-шор-бок* и др.², в топонимии присыктывкарского диалекта – *Вад-бок*, *Магази-амбар*, *Сава-лагун*, *Сидор-круг*, *Шõрда-пõлõй* и т.д.³, также содержащие термины, которые отсутствуют в составе севернорусских топонимов-полукалек.

¹ Мамонтова Н.Н. Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала КАССР (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982.

² См.: Сахарова М.А. и др. Печорский диалект коми языка /А.М. Сахарова, Н.Н. Сельков, Н.А. Колегова. Сыктывкар, 1976.

³ См.: Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект коми языка. М., 1971.

В таком случае применительно к топонимии Русского Севера зоны скопления разных типов полукалек, а особенно – бытования полукалек с единично фиксируемым русским географическим термином (*веретья, волок* и т.п.) могут быть показателем более длительной активности субстратной финно-угорской структурной модели топонима без перехода на русскую структуру, то есть фактически – показателем более медленного обрусения. Такой территорией является бассейн р. *Емца* – р. *Мехреньга* – р. *Моша*, где сконцентрировано девятнадцать основных и три единичных типа полукалек. Положение на водоразделе, в стороне от основных рек и вообще торных дорог русской колонизации, очевидно, способствовало более длительному сохранению своеобразия, в том числе своеобразия структуры топонимов, долгое время способной «переплавлять в себе» массовый поток русских заимствований.

Возможно, зоны концентрации разных типов полукалек, перекрещивания ареалов разных полукалек в какой-то мере отражают территории, на которых аборигенное чудское население дольше сохраняло своеобразие и самостоятельность. Разный «набор» типов полукалек и разное их соотношение с типами субстратных топонимов обусловлены неоднородностью самого аборигенного чудского населения. Соотношение разных типов полукалек вряд ли прямо отражает соотношение разных языков или диалектов Заволочской Чуди в период контактов с русскими, однако все же обнаруживаются некоторые общие черты регионального членения внутри зоны сплошного распространения прибалтийско-финско-саамской по происхождению топонимии, в том числе и полукалек в целом.

Самой яркой региональной характеристикой оказалась противопоставленность топонимии бассейнов Онеги и Двины. Эти две значительные территории по топонимическим данным различаются следующим образом: названиями болот на Онеге являются полукальки с термином *-мох*, на Двине – полукальки с термином *-болото*; названия заливов на Онеге – топонимы с термином *-лахта*, на Двине – топонимы с термином *-курья*; в целом термину *-лахта* Онежского региона соответствует фонетический вариант *-лохта* на Двине; названия на *-остров* на Онеге относятся, как правило, к островам (термин функционирует в общепринятом значении), на Двине эти названия относятся по большей части к урочищам (термин функционирует в диалектном значении); в бассейне Онеги нет ойконимов с термином *-гора*, в то время как на Двине названия на *-гора* – распространенная модель ойконимов; на Онеге нет названий на *-плесо*, распространенных на Двине; на Двине нет названий на *-нос* и *-порог*, распространенных на Онеге.

Существование противопоставления топонимии Онеги и Двины находит подтверждение в лексических соответствиях (границу между Онежским и Двинским ареалами на материале диалектной лексики устанавливает, например, Л.П. Комягина¹). Выделение бассейна Онеги на фоне русской топонимии в целом установлено А.К. Матвеевым². Однако более любопытным оказывается факт, что установленные корреляции разных типов полукалек и топонимов с субстратными терминами обнаруживают некоторые соответствия установленным А.К. Матвеевым корреляциям субстратных основ. Наиболее близкими к корреляциям в топонимии оказываются корреляции основ *Охт-* и *Карг-*, а также *Мянд-* и *Печ-*: распространению основ *Охт-* и *Мянд-* (*Нянд-*) в подробностях соответствует распространение топонимов на *-лахта* и полукалек на *-наволоок*, а распространению коррелирующих с ними основ *Карг-* и *Печ-* соответствует распространение коррелирующих детерминантов *-курья* и *-немень* (с вариантами). Таким образом, анализ полукалек

¹ См. об этом: Комягина Л.П. Лексические изоглоссы в восточной и юго-восточной части Архангельской области // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар, 1986. С. 46–52.

² См.: Матвеев А.К. Субстратная топонимия как объект комплексного регионального исследования // Вопр. языкознания. 1989. № 1. С. 77–85.

может подтвердить и дополнить определенные А.К. Матвеевым границы дифференцирующих субстратных явлений.

Топонимы-полукальки, непосредственно связанные с ситуацией двуязычия и процессом длительного, постепенного обрусения местного чудского населения, очевидно, должны отражать характер контактов русского языка и языков последнего, верхнего, пласта субстрата. Ареальный характер полукалек соответствует в определенной степени пестроте взаимодействия русского и чудского населения. Возможно, ареалы полукалек будут способствовать микрорегиональному исследованию топонимии Русского Севера, что является одной из наиболее актуальных задач на современном этапе изучения севернорусской субстратной топонимии.

Т.Н. Дмитриева

ХАНТЫЙСКИЕ ТОПОНИМЫ С НЕЯСНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ НА ТЕРРИТОРИИ БАСЕЙНА РЕКИ КАЗЫМ

Среди хантыйских топонимов бассейна Казыма наряду с многочисленными семантически и мотивационно прозрачными названиями, без затруднений интерпретируемых из современного хантыйского языка, имеются и такие, в составе которых есть компоненты, нуждающиеся в специальном объяснении. Это связано с различными обстоятельствами: во-первых, возможно иноязычное происхождение неясного слова; во-вторых, топоним может сохранять забытую или мало известную современным носителям казымского диалекта лексику. В данной статье рассматриваются примеры таких топонимов.

1. В ряде случаев неясный компонент является казымским заимствованием из языка коми¹.

1. *йӥл' хэтань сэжэм*, прав. прит. р. Вел юхан (прав. прит. р. Амня). Картографические формы – Шуль-Хотын-Соим, Шульхотынсоим. Смысл названия – «Ручей с шалашом».

В атрибутивной части топонима (*йӥл' хэтань*) второй компонент – существительное *хэт* 'дом', осложненное суффиксом имени обладания *-эп*.

Слово *йӥл'* не отмечено в словарях хантыйского языка, но оно известно на Казыме: по словам местных жителей, «*шуль хот* – это шалаш, из лиственниц колют типа дранки и из берёста шьют, сверху покрывают» (И.А. Спиридонов, 1998, Казым); «*шуль хот* из кольев делают, дом от ветра: поперечина на деревьях, на неё колья – плотно складывают, сверху мох» (Ю.И. Ерныхов, 1998, Казым); «маленькая избушка, как шалаш, из тоненьких жердей – может, дровяник, а в лесу в таком доме жили» (Е.А. Задорожных, 1999, Казым); «*шуль хот* делают, рыбу держат, шалаш» (З.Д. Тарлина, 1998, Казым); «*шуль хот* сама я делала, там палки поставлены, всё палками закрыто, чтобы рыбу там сохранить, чтобы собаки не достали, вороны не клевали» (Т.Т. Тебетева, 2001, Белоярский).

Ср. в одном из опубликованных текстов на казымском диалекте: *Хӧннэсем ими катра лупас сохдӧт эвалт шуль хот вермал* – «Свояченица из досок старого лабаза *шуль хот* сделала» (букв. «делает»)².

¹ Подробнее о коми-хантыйском взаимодействии в топонимии Казыма см.: Дмитриева Т.Н. Коми компонент в топонимии бассейна реки Казым // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: Сб. статей: В 2 т. Т. 2. Филология. Этнология. Сыктывкар, 1996. С. 64–77.

² Лозьямова З. Ай хӧр сӧнхум кӧрт // Моньшӧт па пуртӧт / Сост. В.Н. Соловар. Нижневартовск, 1996. С. 33.